

- - [Слово св. Геннадия Схолария в Неделю Православия](#)
 - [Слово св. Геннадия Схолария в Неделю Православия](#)
 - [На Торжество Православия](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-
-

Введение

Содержание

Настоящий труд представляет собой перевод проповеднических произведений святителя Геннадия II (Георгия) Схолария (ок. 1400— 1472, память его празднуется Греческой церковью 31 августа), патриарха Константинопольского, ученика и духовного сына св. Марка Ефесского, одного из самых замечательных православных богословов, «последнего светозарного отблеска дивной Византии», по выражению переводчика его проповедей архим. Амвросия (Погодина). Проповеди (омилии, слова) святителя Геннадия являются, в сущности, трактатами на различные богословские темы, будь то догматического, будь то нравственного характера. Все эти [проповеди](#) принадлежат к его «избранным» сочинениям, причем избрал их и переписал своей собственной рукой сам великий святитель.

В «Прибавлении» к книге публикуется детальное исследование архим. Амвросия (Погодина) об истории формирования догмата Искупления и его восприятия в Западной и Восточной церквах.

Для всех интересующихся историческими путями Православия.

Слово св. Геннадия Схолария в Неделю Православия

В своей проповеди в Неделю Православия св. Геннадий Схоларий преследует две цели: дать общую историю борьбы христианской Церкви с ересями, представить слушателю ереси, еретиков и Святых Отцев, боровшихся с ересями, и их проводителями. Это — первая цель. Вторая цель: представить учение латинян как тесно связанное с ересью и призвать к отвержению Флорентийской унии как величайшего зла для Православия. В первом случае автор говорит совершенно открыто и прославляет Соборы и Святых Отцев, которые отстояли своей борьбой с еретиками истину Православия и сохранили ее для Святой Церкви во всей ее красоте. Во втором случае, т. е. в отношении латинян и в отношении унии, автор говорит намеками. Это объясняется тем положением, в котором находился св. Георгий Схоларий в то время. Проповедь эта была произнесена в Неделю Православия в 1444 г., т. е. в то время, когда он еще занимал государственные посты и обязан был не идти вразрез с политикой императора Иоанна VIII Палеолога, секретарем которого он состоял. Хотя он и был под влиянием св. Марка Ефесского и ясно сознавал [зло](#) унии, однако в нем еще сильно сказывается дипломат¹. В 7-м отделе своего слова, говоря о ереси Македония, он вставляет в его уста по сути латинское учение об исхождении Св. Духа. Между тем, как известно, Македоний если и был полуарианином², однако чему он учил и что говорил, остается неизвестным. В 8-м отделе своего слова мы опять же находим полемику с латинянами: так, св. Георгий Схоларий подчеркивает, что Третий Вселенский собор строго запретил делать какое-нибудь прибавление или убавление, или изменение в тексте Символа веры, между тем как латиняне внесли в Символ веры свое *Filioque*. В отделе 13-м св. Георгий Схоларий порицает и отвергает «чужеземное учение». Весь 16-й отдел направлен против унии, хотя и здесь автор не называет зло своим именем.

Говоря о ересьях и об еретиках, св. Георгий Схоларий никогда не держится исторической последовательности, так что в одном отделе, например 4-м, он упоминает и древних еретиков, и гностиков, и монофизитов, и богомилов. В 5-м отделе поминаются Арий, Евномий, манихеи, гностик Валентин, Аполлинарий, Павел Самосатский и Фотин. В отделе 7-м говорится о Македонии. В отделе 8-м поминаются Феодор Мопсуэстийский, Несторий и борьба св. [Кирилла Александрийского](#) против еретиков. В отделе 9-м излагается учение монофизитов и поминаются армяне. В отделе 13-м упоминаются Иоанн Итал (неоплатоник), Варлаам и Акиндин (противники св. [Григория Паламы](#)).

Было бы излишне подробно говорить о еретиках и об ересьях, упоминаемых св. Георгием Схоларием в слове в Неделю Православия, потому что это уже нами было сделано в примечаниях к 1-й и 2-й проповедям святителя Софрония, патриарха Иерусалимского (Джорданвиль, 1988). К этой книге я и отсылаю читателя и указываю номер примечания. О тех же еретиках, о которых не было сказано в упомянутой книге и которые упоминаются у св. Георгия Схолария, скажем более подробнее. Имена приводятся в алфавитном порядке.

АПОЛЛИНАРИЙ — см. прим. 50 на стр. 59.

АРИЙ, АРИАНЕ — сущность этой ереси заключалась в том, что Господь наш [Иисус Христос](#) не признавался александрийским пресвитером Арием и его единомышленниками Сыном Божиим, Единосущным Богу Отцу, а признавался существом совершеннейшим, но сотворенным Богом и, как все сотворенное, подверженным изменению. Божественное Слово имело начало Своего бытия и произошло не от существа Божиего, а по Его воле. Божественное Слово, по Арию, есть «тварь», «творение». Сын Божий не равен Богу, а лишь усыновлен Богом, Сам же Он не является Богом. Арианство было осуждено на I Вселенском соборе в 325 г. Одним из виднейших борцов за Православие на Соборе явился св. [Афанасий Великий](#). Ересь эта была

весьма живучей и на Востоке, и особенно на Западе. Позднее она изменилась в более мягкую форму; но полуариане были еще опаснее для Церкви, чем ярые ариане.

БОГОМИЛЫ — «богомилами» (т. е. «богоугодными») называли себя еретики, появившиеся в XII в. в болгарском городе Филиппополе. Они являлись ответвлением манихейской секты павликиан, возымевшей большую силу в придунайских областях от IX до XIII в. Основателем секты богомилов был некий впавший в ересь монах Василий. Эта секта состояла из подонков общества, и отличительной ее чертой были бедность и невежество: образованных они не принимали в свою среду. Из всего канона [Священного Писания](#) они приняли только 7 книг. Зло они считали присущим материи, которая от вечности противится духу и является злом по себе. Они отринули все таинства и крещение водой. Они не признавали Воплощения Сына Божиего и в Христе видели только некий образ или призрак. Творение мира они приписывали не Богу, а некоему злему Демииургу, носителю злого начала. Убиение Авеля Каином они приписывали ревности Каина к Авелю, поелику отцом Каина от Евы был некий Сатанаил, старший сын Иеговы, в то время как отцом Авеля был Адам. Император Алексей Комнин, ознакомившись с мракобесием этой секты, проникшей в византийские области, решил положить ей конец. Знаменитому Евфимию Зигабену он поручил составить полную картину учения богомилов и богословски опровергнуть их заблуждения, что тот и сделал в своей «Паноплии». Ересиарх Василий был схвачен, судим и присужден к сожжению. Казнь его состоялась перед народом на площади перед храмом Св. Софии. После его смерти эта секта распалась. Константинопольский собор в 1140 г. анафематствовал эту ересь (см.: *Троицкий С.* Статья в «Православной Богословской Энциклопедии». Т. 5. С. 262).

ВАЛЕНТИН — см. прим. 53 на стр. 61.

ДОНАТ — возглавил раскол в Карфагенской церкви. В IV в. донатизм отличался крайним фанатизмом и нетерпимостью ко всем инакомыслящим. Поместные соборы в Арле, в Риме и в Карфагене осудили раскольников и призвали их соединиться с Православной [Церковью](#). Блаж. Августин в своих сочинениях указывал на неправоту раскольников и призывал их примириться со Св. Церковью. Учение донатистов может быть выражено в следующих пунктах: 1) только та Церковь может быть истинною, которая не допускает общения с собою явных грешников; 2) действительность таинств стоит в зависимости не просто от правой веры, но и от нравственной чистоты, от личной святости совершителя. Поэтому всех переходящих от других христианских обществ должно перекрещивать; 3) донатисты считали себя «Церковью мучеников» в противоположность «Церкви предателей»; 4) но в противовес новацианам допускали покаяние для тяжелых грехов. Раскол этот исчез с завоеванием Северной Африки вандалами (см.: *Поснов М. Э.* История Христианской Церкви. С. 320—322).

ЕВНОМИЙ — см. прим 12 на стр. 53.

ИАКОВИТЫ — так назывались монофизиты с VI в., по имени некоего сирийского монаха, епископа Эдесского (VI в.), самого великого пропагандиста сей ереси.

ИОАНН ИТАЛ — византийский монах XII в. В то время как его современник и почитатель Платона [Михаил Пселл](#) держался Православия, Иоанн Итал совершенно ушел от учения Церкви и был осужден Церковью.

МАКЕДОНИЙ — см. прим. 8 на стр. 52.

МАНЕС, МАНИХЕИ — см. прим. 56 на стр. 63.

МАРКИОН — см. прим. 54 на стр. 62.

МАССАЛИАНЕ — см. выше «БОГОМИЛЫ».

НЕСТОРИЙ — см. прим 42 на стр. 57.

НОВАТ — пресвитер Карфагенской церкви. При святительстве св. священномученика Киприана откололся от Православной Церкви и создал секту «чистых», т. е. фанатиков, не

допускавших покаяние для некогда павших или даже уклонившихся во время гонений на Церковь. Ригоризм новацин содействовал возникновению и последующего раскола в Карфагенской церкви, именно донатистов.

ПАВЕЛ САМОСАТСКИЙ — см прим. 43 на стр 58.

ПАВЛИКИАНЕ — манихейская секта, исповедала дуализм, не признавала Причащения, отличалась рационализмом. Просуществовала до XI в.

ПЕТР СУКОНЩИК — см. прим 15 на стр. 54.

ПТОЛЕМЕЙ — гностик II в., последователь Валентина, с которым расходился только в признании количества эонов. О Валентине см. указание выше.

САВЕЛЛИЙ — см. прим. 7 на стр. 52.

СЕВИРИАНЕ — последователи гностика Севириана, который, в свою очередь, был последователем гностика [Татиана](#) (II в.).

ФЕОДОР МОПСУЭСТИЙСКИЙ — см. прим. 44 на стр. 58.

ФЕОДОСИАНЕ — гностики Феодосии (конец II в.) учил, что Христос не есть Бог, а только — человек. Другие его последователи готовы были признать, что Христос стал Богом после Своего Воскресения.

ФОТИН — еретик крайне рационалистических воззрений. Он отрицал, что Христос — Бог, и отрицал Его сверхъестественное рождение, за что был впоследствии похвален Иулианом Отступником.

Св. Георгий подробно говорит о монофизитской и монофелитской ересях, а также дает оценку иконоборчества. Поминает он противников св. Григория Паламы, Варлаама и Акиндина, и с высокой похвалой отзываясь о святителе Григории Паламе, как и о св. Григории Кипрском.³

На Торжество Православия

В первое воскресенье Великого поста

1. Как было в начале, так и теперь собственным поводом и основанием настоящего торжества является Восстановление священных икон и долженствующего им почитания, икон, которые в течение немалого числа лет были в пренебрежении и изгнаны из Церкви, — не больше, чем стали отверженными Богом изгнавшие их; вместе с памятью их возвращения справедливо воспоминаются и бывшие прежде сего чудесные дела Сильнейшего (Бога), которыми бывшую боримой и крайне страдавшую от сынов лжи Церковь, вступающую в оные сражения ради вящей славы Истины и державшихся ее, Он явил затем одолевающей и увенчанной победой; потому что Он явил (в настоящем веке) Церковь не как уже спасенную (и свободную от борений), — потому что в таком случае Ей уже было бы и невозможно бороться и побеждать в борьбе, — но как спасающейся ныне и одолевающей Ей приключилось это вынести. Поэтому Он законоположил Ей, чтобы вместе с уже воздвигнутыми трофеями, полученными Ею за последние Ее успехи и подвиги, также были бы воздвигнуты победные памятники Ее прежних борений; и при иных, как видите, Божиих почестях, выраженных Ей, Ей следовало также провозгласить похвалы стоявшим поистине даже до смерти за Нее защитникам Ее, поборникам Матери Церкви, а также объявить всенародные анафемы и публичные отречения против тех нечестивцев, которые обострили на нее свои разнузданные языки и подняли на Нее руку. Итак, если что относится и к тем и к другим, то Церковь, воздавая за произволение каждого из них, знала, что совершает, — и это следует обсудить отдельно, и всякий признал бы, что не без основания Она это сделала; (во-первых) потому что касается дурных, то отдельный человек, хотя бы и вымолил прощение у Бога, однако эти (еретики и богоборцы) не могут получить прощения, потому что в течение всей своей жизни они пребывали в борьбе против Бога и умерли в этом своем состоянии бешенства; (затем) чтобы потомки были более мудрыми, сознавая, чем были вызваны эти борения и произволения каждого из вооружившихся и участвовавших в борьбе и суды о них Божии, с которыми необходимо, чтобы согласовались и суждения о них Церкви, потому что ничего не могло бы быть более соответствующим, чем то, что было узаконено Церковью с одного времени и даже доньше; за это-то и соблюдающих этот закон и желающих сохранить его для себя, как имеющих ту же цель, что и положившие его, — мы восхваляем, как делаем и противное сему, если бы некоторые пожелали разорить его. Достаточен же вместо всякого иного рассуждения сам авторитет Церкви, на который и следует без всякого колебания полагаться и возвещать сей целесообразно установленный закон, а презрение к нему оценивать как беззаконие и объявлять постановление Церкви, вынесенное с большой справедливостью; и это надо делать или с той целью, чтобы мы праздновали вместе с празднующими, воздавая это наше приношение как некий начаток от Бога данных нам понятий, делая это с той целью, чтобы по крайней мере с нашей стороны сохранялся закон Церкви, в силу возвещаемых в настоящем слове православных догматов и поборников за них, а также противоположных им и оказавших подпору этой противоположности, получивших за это то, что они заслуживают; устремится же (это наше) слово к более своевременным обстоятельствам, не достигнет же всего в историческом изложении (потому что для этого потребовалось бы написать много книг и много дней, чтобы затем выслушать),⁴ но вспомянув более своевременные обстоятельства и те из более важных вещей, относительно которых никто из держащихся Благочестия не должен быть в неведении, слово вернется к той же теме праздника — памяти Восстановления икон, и, прибавив нечто к сему, на этом закончится, не без удовольствия для благосклонно имеющих внимать ему.

2. Итак, слово Истины было посеяно с тех пор, как изначально [Бог](#) восхотел посредством Самого Себя привлечь к Себе человека из состояния бесчисленного заблуждения, в рабстве которого он находился в прежнее время, так, чтобы он снова шествовал незаблудно, а что касается того, что он опустил в состояние чувственности и в естество, ставшее худшим, — тем, что он поглотил в себя мерзость лжи, то и от этого в силу данных обстоятельств охватившего его ужасного положения следовало, чтобы он когда-то освободился и чтобы естество вкусило ту прекрасность, которой изначально украсила его Первая Прекрасность; и как было в начале надлежащее время для бытия (создания мира), установленное волею Творца, так затем, пребывая в воле Его, настало время и для усовершенствования его, являемое совместно с благодеянием, и способ усовершенствования, который хотя и совершенно изумителен, однако полностью отвечает разумному образу действия. Потому что должно было познанием Истины привлечь человека; следовало же, чтобы Она сошла на землю, была бы осознана и приняла на Себя осуществление сего; сойти же означало принять плоть, пребывая в Божестве; потому что нечто иное подъять скорее было бы быть привлеченным, чем самому привлечь; казаться же приобщившейся материи, отнюдь (в действительности) не приобщившись к ней, скорее бы соответствовало лжи, а не Истине.⁵ Итак, слово Истины было посеяно Ее учениками, и если Она опять вошла на небо (потому что не должно было, чтобы слово — замысел о Божественном Домостроительстве — сплеталось с чувственным миром, если и, как бы скрытое в самом начале, оно всюду проникало при помощи нашей любви к совершившейся Тайне),⁶ и побег опередил семя и сияние — свет,⁷ как это само собой произошло при улучшении состояния душ в людях и когда озарение имело объять их души: потому что это было дело не людской мудрости, но воздействие убеждения Божественного могущества, и не человеческое старание, хотя человеческое естество оказало содействие незримой силе Сильнейшего. Однако (потому что была нужда, как в отношении других вещей, так чтобы и здесь это произошло)⁸ сему прекраснейшему семени противостало суеверие тиранов,⁹ действовавших наподобие проливных дождей, снежных бурь и инея, или засухи и нашествия полевых мышей, если же хочешь, и подражая набегу врагов, одними мерами не допуская, чтобы семя принялось, а другими — подавляя его, а иными еще исторгая его; подавляло же его множество совозросших здесь вместе с ним плевел — ересей, возникших в среде верующих. Однако и благодаря этим двум препятствиям Божие слово закалялось, укреплялось, как говорит Павел, в немощи и совершенствуясь в нужде; потому что человеконенавистничество тиранов угасил поток мученической крови, и как упорствовали те, чтобы оборонить ложь ценою гибели своих душ, так они беспощадностью к своим телам упорствовали прочно утвердить в мире Истину, имеющую их вскоре принять и вознаградить, которую должно было насадить посредством, конечно, такого рода душ, в которых в особенности и в первых Она возобитала; поборники же истинного слова (учения Церкви), благовременно противопостав плевелам, исторгали их, искореняли, испепеляли, и сами не без крови подъяв подвиг, восприяв в себе мученическую решимость; немало же из них и на самом деле излили свою кровь до смерти; и то, что другие перенесли за свою веру, это же за отдельную часть предметов веры возникшую борьбу им пришлось взять на себя и претерпеть; потому что со своей стороны метавшие оные ереси в благочестивые нивы и поддельвающие слово Божие неотступно следовали прежним тиранам и, в первую очередь губя свои души, теперь действуя ложью против Истины и поборников ее, испробовали свои силы с расчетом: не удастся ли им иным способом одолеть ее?

3. И не было никакой зависти у сеятелей слова, когда иные входят в труды иных, и одни в мире кончают свою жизнь, а другие — в крайних телесных страданиях, потому что плод сего доброго земледелия сохранился в результате, конечно, трудов жизни и тех и других, и настолько

большим казалось для успеха дела завершить то, что было теми намечено, насколько и в гонках немного опережающие тех, которые от них отстают, бывали увенчаны наградами; там, действительно, в силу необходимости пришлось встретиться со множеством враждебных обстоятельств, когда новое Божественное учение насаждалось в мире и с корнем исторгалось заблуждение, не терпящее и не сносящее сие, и по причине продолжительности времени сильно укрепившееся. Все же это должно было закончиться, и посев доброй проповеди, возрастая, должен был наконец стать зримым, когда уже никто не тревожится, и слово Истины возгосподствовало во всех людях, явление же силы Божией было сильнее всякого доказательства и слова; можно же сказать, что и оные борения Бог прекрасно и мудро допустил для того, чтобы в силу их стала явна Божественность христианского учения: потому что невозможно было бы, чтобы стала явной победа и одоление явило себя сильнее человеческих замыслов, если бы только при этом оно не устояло перед лицом таких гонений, до такой степени ужасных; и не диво было бы одолеть, если бы оно не претерпело борения; потому что иное присуще всем заблуждениям, с которыми пришлось вести борьбу, чтобы одолеть их, потому что они, каждое по-своему, использовали (злоупотребляли) свободу мыслей, и последователи их готовы были идти на все виды мучений, — что поголовно испытали все мученики за Истину (допускаю же, что и без страданий они скончались бы, раз так угодно было Лучшему),¹⁰ — доказывая, что они не возымеют недостатка во внутреннем убеждении, что скорее соответствовало бы тем, которые имели умереть за Истину, чем оным; и к тому же, избрать нечто более легкое и сохранить и соблюдать его, не встречая трудностей, свойственно учениям жалким и низменным, в которых совместно действуют обольщение и ложь; объединившиеся же друг с другом превратности, которые встречаются на пути Божественных и возвышенных учений, свидетельствуют им об их правоте, как явно одолевающим от начала до конца, как, вот, и доброе качество обычая обретает силу, если оно одолевает сопротивление; потому что, если при противоположных понятиях и материях научное знание и правая оценка производят различие, как, следовательно, обстоит дело и в отношении самых принципов, однако способ (или характер), в силу которого они принимают вид и занимают свойственный им порядок, является тем же самым у обоих из них, и в силу сего только за достоверную доступную людям славу — которая должна происходить от Бога и быть Божией — следует бороться и всецело добиваться, чтобы посредством и того и другого она наконец достигла одоления. И как невозможно было, чтобы человеческое естество снискало все вместе науки или в то же самое время каждую порознь, так невозможно было, чтобы естество сразу же восприняло и все священное учение; потому что в течение долгого времени человек не мог снискать даже естественные науки, а чтобы сразу же охватить из всех наук самую высочайшую, нужно было бы, чтобы такая возможность превзошла естество; однако насколько тяжелее снискать или воспринять ее, настолько восприятие наук, сущих выше естества, потребовало бы большего времени, чем снискивание естественных познаний, так как по своей природе ум не может простираться на такую высоту, и посему, когда начала (принципы) этой науки настолько в нас вложены Владыкой что и при множестве всех наук они всех их превосходят, и в силу этого ее ученики выделяют истинные учения и когда последующими за ними подобным образом во многом содействуют им, в то время как человеческая сила, не без вдохновения Свыше, восходя из взятых начал, приучается все время к более полному и большему до тех пор, пока долженствовало раскрыть всю заложенную в оные начала необходимую Истину, должно было, чтобы между тем явили себя и некоторые — не в том смысле, будто желательно было, чтобы это обнаружилось — кто, думая, что они созвучны с началами, на самом деле были отнесены далеко от оных начал, и не по немоци разума, а скорее этот долженствует присущему в них изобретательному и критическому духу, насколько не соприкоснувшись с Божественной благодатью; а это происходит по двум причинам: или по

причине нечистоты их дел, либо по душевной гордости, с которыми невозможно, чтобы был с ними Божий Дух, и должноствовало, чтобы идущие без Сего Света спотыкались (во тьме). Но хотя, как видно, и много отступающих от нормы, однако она пребывала и пребывает навсегда, сохраняясь не только в книгах, но гораздо больше в душах благочестивых (православно-мыслящих).

4. Когда же многие единомышленники присоединились к изобретателям ересей и паства Христова стала весьма страдать от оных бедствий, для истинных пастырей стало предметом заботы выступить путем общих соборов и борения и постановлений против оных святотатцев, посредством чего должно было еще могущих здраво рассуждать возвести в божественную ограду догматов, а неисцельно заблудших оставить, увы, пищей общему врагу спасения, предпочетших это вместо жизни во Христе. Итак, обходим молчанием иные заблуждения и собиравшиеся против них соборы, когда еще дело Христово подвергалось потрясениям и Церковь воевала, или, лучше сказать, когда ложь еще дерзала бесстыдно выступить против Истины, и помянем только бредни Манеса, которые многих заразили и множества погубили и у которых с истинными догматами Христовыми, можно сказать, ничего не было общего, он же в числе иных нелепостей законоположил в двойное начало всего сущего, свое учение возводя к Платону и к его вздорным мнениям, что именно и множество еретиков ввело в заблуждение; потому что, на основании Платоновых воззрений формулируя свое учение, у которых они, конечно, в прошедшее время были в пленении, они не пожелали подобающим образом перенестись к здоровому христианству и совершенно не допустили, чтобы эллинская соленость была смыта с них питьевой (пресной) водой Христовых учений, которым или следовало предаться, твердо приравняв явление Слова Божиего, или, неуклонно следуя родственному им заблуждению, отнюдь не отступать от него: потому что не должно было пытаться смешивать мрак со светом, ни Велиара с Христом, как говорит Павел, т. е. то, что не поддается смешению и несовместимо, но должноствовало так или иначе погасить многобожие, исходившее и от недостойных спасения, и самых порицавших его, однако дерзавших и после крещения и принятия веры вносить элементы язычества, и подвергнуть таковых заслуженным ими прещениям, и испытанную Истину явить не только в борениях с внешними врагами, но и в отношении строящих засады внутри (Церкви). Я не привожу как пример теперь также неуместность Савеллия и соборы против него здравомыслящих, который иудейскую консервативность и окаменелость пытался возвести в свое богословствование, утверждая, что у Бога имеется одна Ипостась и одно Лицо, а различные имена Лиц Святой Троицы должны лишь человеческому представлению, и Троица, почитаемая нами, в действительности сводится на Двоицу — на Сына и на Духа, Которые по очереди принимают наименование Отеческого и Божиего Лица, и посему, поистине и самой вещью, не следует делать различия между Отцем и Сыном и Христом, Кем Он стал, приняв человеческое естество, потому что Отец, Сын и Христос — это одно Лицо, поэтому православно-рассуждающие назвали это «приписанием страдания Отеческой Ипостаси», в то время как другие наименовали его выдумку «Сыно-Отечеством». Прохожу молчанием новшества Птолея и Валентина, вводящие парное сочетание положений в Боге, именно мысль и волю, первую — ставящую цель, а вторую — подчиняющуюся ей. Не говорю о феодосианах и севирианах, которые помимо Святой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа, — Которые Каждый являются в отдельности Богом, почитают еще некоего общего Бога, Который существует Сам по Себе, и таким образом вводят некую четверицу Божества; оставляю в стороне человеконенавистничество Новата, восьмерицу Доната и несовершенное причащение священников; затем Суконщика Петра страдающего и распятого Божества, пройду мимо ереси массалианов, и иаковитов, и богомилов, и павликиан, отростков бредней Маркиона и Манеса, одних — бывших во времена Валента, а

других — во времена Алексея Комнина; а иных, появившихся в иные времена и даже доньше, и которые почитаются у некоторых народов, в среде которых они вначале и возникли (мы оставляем в стороне): потому что это не настолько представляет заботу христианам, которые в первую очередь должны еще внимать скорее борьбе с безбожниками, а оное относится к случившемуся у незначительных и малых народностей, которые по неразумию готовы верить в почти невероятные вещи, и нам не следует, из опасения удлинить слово, задерживаться на этом в нашей речи.

5. Но Промысел Божий, не более заботящийся о телах человеческих, чем о душах их, поставил Константина, соименного стойкости: потому что была необходимость в такой орудии; и сей восприимлетсЯ Им, приобретая Благочестие как награду за свою добродетель: и посредством его восприимлютсЯ и все племена вселенной, когда он мощно восстал против эллинского заблуждения, действуя не жестокостью, которая была свойственна язычеству; и с добрым основанием можно было бы удивиться тому, что зверство тиранов и их сподручников не могло затмить восходящую Истину, но еще более она воссияла вследствие таких великих препятствий; а для спасения людей, обольщаемых бесами, довлекло начальствование одного царя, не деньгами, не почестями, не угрозами и не наказаниями переменившего их мировоззрение, но оставившего каждому следовать своим убеждениям, так что если и ниоткуда больше, так на основании сего можно было справедливо почитать Домостроительство Божие; поелику же никакое средство, исходящее от людей, — если только не против него действующее, — доколе должно было слово нести борьбу или когда была нужда одолеть и уничтожить заблуждение, не содействовало ему, то и на основании сего можно видеть и поныне, что насилие было средством неверных и тиранов, воюющих за ложь, а что христиане допускают свободу людям чтить Божество, как это каждому угодно, поступая как помощники Божии и представители истинной славы, Которой допустил людям, единственным из всех, обладать свободой мышления. Этот прекрасный царь, как освободил вселенную от эллинского (языческого) заблуждения, так что заступникам его уже стало невозможно неистовствовать против спасения людей, так мудро подавил и арианскую ересь, которая и хуже прежнего многобожия вредила благочестию и стала в краткое время причиной не меньшего зла; и увидела, в нынешнее время несчастная, а тогда митрополия прекрасной Вифинии, Никея, которая во всех отношениях превосходила все города, после первого, я имею в виду нашу столицу (Константинополь), собор, от всей вселенной тогда впервые, после Христа свободно совместно (собранных Отцев Церкви), изучающих [догматы](#) и имеющих справедливо поддерживающего их постановления властителя вселенной; и был удушен словами Истины Арий вместе с его кликой вещателей Платона, одолевает же вместе с благочестивыми Афанасий; им, возвышенно рассуждающим о Божественных вещах, подобало быть победителями потому что те (ариане и их споспешники) несли вздор, желая представить Сына Божиего в однородном порядке тварей, хотя и первенствующего (среди них) как созданного прежде всех и наиболее причастного Божию подобию, через Которого, словно как бы через некоего посредника, происходит от Бога Дух, ангелов же представить как третьих по порядку, а после них и прочие природы (твари), которые посредством Первого Сотворенного, как звено цепи от звена, произошли от Первой Причины всего сущего, этим ничего не говоря того, что было бы не созвучно последователям Платона, которым представлялось, что высший Бог и Отец всех создал непосредственно Первичный Ум, в котором заложены идеи всего, посредством же его — душу всего, и после нее — всю тварь. Позднее, следуя им, Евномий на второе место по достоинству и положению ставит Сына, а на третье, ниже Их, ставит Духа, и в связи с этим, на основании ложной последовательности, (именно) что и по Своей природе Они находятся Один ниже Другого, он выдумал, на свою голову, различие по существу среди Единосущных (Лиц

Святой Троицы). Однако Афанасий Великий вместе с единомышленными с ним (я повторяю) показал при помощи всех аргументов и свидетельств, что Сын Божий есть истинный Бог, вечная и равная родившему Его Отцу Ипостась Сына, и показал, что Священное Писание свидетельствует о тождестве Их существа и природы, и попытку оных разделителей Божества на основании Священных книг ограбить (умалить) Ипостась Сына он опроверг как поистине святотатство и дерзкий подлог, проистекающие из извращенного ума; потому что то, что (в Священном Писании) говорится более смиренно по причине человеческой природы (во Христе), относить к Его непокровенному Божеству было делом софистов, — в точности, как если бы более возвышенными (свойствами, указанными в Священном Писании) почтили человеческую природу Его; потому что и то и другое делать одинаково ошибочно; потому что если и единым является Тот, к Кому и то и другое относится, и во едином Христе по ипостаси соединились две природы, однако свойства их, одни — более великие — относятся к одной Божественной природе, а другие — меньшего характера — относятся к остальной им этих двух природ; потому что (Христос) стал истинным Человеком, пребывая в истине Божества, и, восприняв (человеческую природу), не утратил Свою Божественную природу. Итак, (как человек) Он и принимается, и научается, и вспомоществуется со стороны Отца, и посылается Им, и прославляется, и вверяется Отцу, и заповеди принимает, и послушествует, и молится, и утомляется, и гневается, и скорбит, и объединяется с учениками, и сочисляется с тварями — и все это подтверждено полностью и истинно, с одной стороны, на посрамление манихеев, изображающих, что Воплощение Сына Божиего было воображаемым, а, с другой стороны, на опровержение Валентина, утверждающего, что Господь не воспринял земного (материального) тела, но, принося его с неба, только по видимости приял его от Девы, в действительности же ничего не взял от Нее, но воспользовался Ею только как бы каналом для пришествия в эту жизнь, и многое подобное сему он навывдумывал; из чего Аполлинарий, во много раз более нечестивый, нечто заимствовал, говоря в отношении плоти Слова, что (якобы) невозможно Божественной природе воспринять человеческую. Итак, оными смиренными (свидетельствами из Священного Писания), как я сказал выше, удавляется дерзость оных упоминаемых (еретиков); (и в том же Священном Писании Христос) именуется Единородным от Отца и истинным Сыном Божиим, и над всеми Богом, Который вмещает в Себе всю полноту Божества и является равным Богу и Отцу, и Начертанием Отеческой Ипостаси, и все, что делает Отец, это же и Он подобным образом делает, и словом силы Его держится мир; и все подобного рода возвещается для того, чтобы был опровержен Самосатский Павел и Фотин, которые говорили, что в нашем Владыке была только человеческая природа, и она очищением посредством добродетелей и восхождением возшла в участие в Божественной славе и усвоила ее больше, чем все; и вместе с ними да будет отвергнут и Арий, не в точности, как они, обожествляющий и усыновляющий, и принимающий Христа в степень усыновленного Божества, но иным образом беззаконующий в отношении Божественной природы Его и называющий Сына Божиего творением Его и созданием, с Которым когда сочеталась человеческая природа, Христос стал некоею смесью высшего элемента с человеческим.

6. Церковь Христова, всем оным писакам добросовестно и своевременно каждому из них уделив внимание, избежала заблуждений упомянутых (еретиков) и разоблачила Савеллия, указав, что иное — Лицо Отца и иное — Сына, что представлялось и большинству нечестивых (еретиков), оказавших невольную поддержку Истине (так ложь — сама себе враг, как со своей стороны целиком и полностью признающая истину);¹¹ опровергает же Фотина и Ария, возвестив Христа истинным Богом, созвучно с Савеллием, и утверждает, что Божие Слово восприняло не только плоть, в то время как Божество было для плоти вместо души, постановив, что благочестивое верование признает, что Христос принял вместе с плотью и человеческую

душу; не признавая и того, что человеческой природе Христа была присуща чувственная душа без наличия в ней ума и разума, потому что Божие Слово пополнило нужду в них, что также вменяется в вину Арию, отцом же сей ереси был Аполлинарий; не допускает же (Церковь) и мнения [Оригена](#), который бредил, что вместе с бесплотными духами была создана и душа Христа прежде сего материального мира, и сразу же была воспринята Божиим Словом, а затем, ради спасения людей, приняла плоть в исполнении времени; но возвещает, что Христос принял плоть и душу разумную и полностью был человеческой личностью в Божественном Лице; в количестве же только плоти и в душевных способностях Он возрастал с течением времени, в них же и во много ином Он был совершенным, и, не прежде чем стал, Он в совершенстве обладал этим, и не сразу же, как только стал, Он воспринял это, но, пребывая Словом, сочетал в Себе единство единения по Лицу; что и прежде сего (утверждения Церкви) согласовалось с духом Писаний. Частично эти вещи были определены и прежде собора в Никее часто попеременно собиравшимися благочестивыми (Отцами Церкви); постановление же против Ария полезно очистило вселенную от его безумия, когда перестали уже угнетать иные ереси, и оно ясно возвестило, что Сын Божий единосущен с Богом и Отцом; и на основании сего мы, следовательно, как отцы из числа первых, постигнувшие, веруем, что у Отца и Сына — единое и тождественное Божественное существо, и Они отличаются Друг от Друга только Лицами и отличительными каждого из Лиц свойствами; потому что в Божественной Троице имеется Отец, т. е. — Причина и Начало и Источник единосущных с Ним Лиц, из Которых одно, Слово, от Него рождается, а второе, Дух, иным образом от Него исходит, и ради ясности именовало Его «Родителем» одного и «Изводителем» второго, Слово же есть Отец и Сын, и Порождение, и только — Сын, и полностью — Сын; не являясь ни Родителем, ни Изводителем, и не называясь чем-либо равнозначимым этим терминам, потому что Он не есть Отец. Итак, мы веруем, что Сын Божий отличается от Отца только тем, что Отец обладает личным свойством быть Родителем и Началом, и это свойство не является общим для иных единосущных Лиц Святой Троицы: по природе же и по общим свойствам, присущим Божеству, Он — единый Бог вместе с Отцем, и единый Творец и иное; этого единства не лишается и Дух; потому что то, что как общее свойство соответствует Им Обоим (Отцу и Сыну), так же отвечало бы и Ему (Духу), как единое свойство для Всех: веруем, что Сын Божий бессеменно стал истинным Сыном Человеческим, и Он, (так же сущий) в неизменном и бесстрастном Божестве, исполнил оный Божественный замысел, имеющий своей целью улучшить (спасти) естество (человеческое), что, безусловно, Он ясно явил, подтвердив делами, чтобы с этого времени люди начали духовно возрастать, побуждаемые стремлением к вечным благам, отходя от чувственности и от материального мира не малыми шагами и не постепенно очищая себя и философствуя, но немедленно, сразу же все оставляя и не дорожа этим, и, познав на опыте мучительность быть заваленными земными заботами, возшли к небесному уделу; и мы веруем, что к делам и к страданию Христову в деле Его Домостроительства не примешалось никакого обмана или вымысла, но во истине Божественной и человеческой природы воплотившееся Слово совершило наше Спасение, когда первая (т. е. человеческая природа Его) восприняла на себя очищение и приношение от лица всей природы (всего человечества), которая по причине того, что была воспринята Богом, была уравнивающей (все), а вторая (т. е. Божественная природа Его) совершила очищение и сразу же возвысила (человеческое естество) (потому что нет ничего большего, чем это соприкосновение Божественной и человеческой природ в Лице Богочеловека)¹², лучше же сказать, что те же самые Его дела не были совершены тем же самым образом; но человеческие свойства Он принял на Себя так, как это отвечает людям, Божественные же дела Он чудесно явил согласно Божественной природе, в соединении с Божественным Лицом, в котором и человеческая природа была Лицом, не как иная по числу, но

как всецело составляющая одно лицо (т. е. Божественная и человеческая природы во Христе составляют одно Лицо).

7. Итак, это было утверждено Отцами Первого Вселенского собора, захватывает же прельщение затем и Македония, воспользовавшись воцарившейся в нем неустойчивостью (в делах веры), благодаря чему он и стал посажен своими единомышленниками на (патриарший) престол; материю же ему для заблуждения дала ограниченность члена (Символа веры), говорящего о Святом Духе; потому что оный собор (в Никее) пространно определил только о Сыне, Которого тогда угнетали ариане. Чтобы покончить со смущением в Церкви, вызванным Македонием, прекрасным царем Феодосием был созван собор в этом величайшем из городов (Константинополе), где это зло преимущественно и возобладало и где проводил полуарианство оный лжеиерарх Церкви, допуская, что Сын — единосущен Отцу, он при этом утверждал, что Божественный Дух есть творение Сына и создание, и чрез Его посредство стал подобным иным (Божественным) Существом: потому что то, что может быть сказано в отношении Отца к Сыну, может быть обращено и в отношении Сына к Отцу, выражение же «Дух», взятое в абсолютном смысле, как он полагал, должно относить к обозначению возвещаемого в Писании Единородного Слова и являет свидетельство о том, что только эти две (первые) Ипостаси — родственны по природе, Духа же следует относить к Ним как некое производимое Ими действие, при помощи Которого, действительно — более уважаемого и преимущественного над другими, говорит он, Слово Божие сотворило весь мир, употребив Его как некое орудие и служителя для прочих дел. Но великий Григорий (Богослов) вместе с сущими с ним боговдохновенными отцами — подобно тому, как отцы прежнего (Вселенского собора) возвели Сына к Богу и к Отцу (как равного Ему в Божестве и славе), так эти возводят к Нему Духа; потому что те установили как догмат, что Сын рожден от Отца и единосущен Отцу, а эти — что Дух от Отца исходит, вместе с Отцем и Сыном споклоняем и со-славим; и первые раскрывают значение имени «Отец» в отношении Родителя и Изводителя, на основании коего (или: после чего) легко последовала возможность делать различие предмета между этими понятиями; при этом в Символе веры они поместили слова из Евангелия, авторитетнее чего ничего не могло быть — «от Отца исходит», поставив как закон, и Символ веры Первого Вселенского собора распространяя приведением слов Спасителя (об исхождении Святого Духа) как уже не нуждающихся в том, чтобы иметь какое-либо дальнейшее раскрытие, потому что оные слова довлеюще являют исхождение Святого Духа; потому что «исхождение» показывает, конечно, что это — иное действие, чем рождение, и обозначает, что Отец, являясь Началом действия, не рождает, а изводит Духа; и они говорят, что Он «споклоняем» не только с Отцем, но и с Сыном; но не говорят, что Он исходит от Сына, но только — от Отца, и отстраняют все заблуждение Македония (которое заключалось в том, будто Сын является творческой причиной Духа); ¹³ и не допускают того, что Он — творение Сына, но утверждают, что Он Своим Божественным существом со-славим вместе с Ним, и не говорят, что Он исходит от Сына, но относят это только к Лицу Отца; потому что Сын имеет все то, что имеет и Отец, за исключением быть Причиной (Божественных Лиц); и то, что Сын в произнесении Божественных имен занимает среднее положение, отнюдь не представлялось им противопоставлением тому, что Дух является непосредственно исходящим от Отца и в неразрывной связи, так сказать, примыкает к Нему, но полагали и то, что здесь об исхождении Духа от Отца говорится после того, как было сказано о Сыне, на том основании, что Сын (в перечислении Лиц Святой Троицы) идет впереди Духа вследствие необходимой последовательности имен и отнюдь не отстраняет Духа от ближайшей связи с Отцем, потому что срединное положение Сына не противопоставится, и не препятствует, и не нарушает оную неразрывную в действительности связь между Отцем и Духом; и таким образом, вот, они прекрасным образом узаконили относить Сына и Духа к Отеческой Ипостаси,

Первого — рождающей, а Второго — изводящей, как бы побеги, возникающие от единого корня, или как две реки, истекающие из одного источника, или как парные лучи, воссиявающие от одного солнца; и если и долженствует их называть вторыми по отношению к причине, то это и Тому и Другому они в равной мере приписали, сохраняя третье место за Духом согласно составлению имен в последовательности их, примыкающему к Сыну в понятии общности их Божественного естества, к Отцу же еще — и согласно тому, что Он является Его Причиной, как в точности это и выражено. Таковы голоса (убеждения) тех, которые завершили раскрытие этого догмата.

8. Такими именно молениями Истины быв поражен, Македоний, даже и тогда не осознавший ее, отсекается от полноты благочестивых; и когда еще не вполне прекратилось возникшее от оных зло, оживает нечестивый Фотин; потому что порожденные его нечестием вздорные вымыслы Нестория были посеяны в душе Феодора (Мопсуэстийского), в Нестории же приняли пагубные произрастания. И Несторий дерзает говорить, что Христос стал Храмом Божиим в совершенном человеческом лице, в котором возобитало Слово Божие, в этом смысле настолько лучше быв Фотина, что относительно вечного рождения Божиего Слова не разделяет его хулы; так, тот учил, что на основании страдания и прекраснейших дел как награда Христу пришла слава Божества; а этот утверждал, что от начала человеческой способности усвоить Он стал причастным Божественной славе, причастностью, которая в силу полноты возобитавшего в Нем Божества превосходит (все) приключавшиеся некогда в иное время славы; поэтому Блаженную Деву он не называет «Матерью Божией», но только «Матерью Христа», и говорил, что Дух Святой производил во Христе чудеса подобно тому, как и в иных святых, в которых возобитал в прошлое время. Но и этот стал предметом рассмотрения Отцев собора во Ефесе после того, как император Феодосий Младший разослал распоряжения и учредил собор для рассмотрения вопроса, и когда Кирилл вступил в борьбу и возглавил добрый подвиг и победил державою Истины даже и прежде, чем сошелся в бою с новатором (или: мятежником) Несторием; и посредством Кирилла утверждается догмат, гласящий, что наш Владыка и Слово Божие, Он же — и Человек во едином лице Божественном и при соединении в Нем двух природ так, чтобы Лицо Божие прекрасно сочеталось с личностью человека, и действия, как более возвышенные и божественные, так и более смиренные дела и страдания, имели одного и того же Виновника (Источника), причем каждое по своей природе действовало и было в наличии, так что на основании сего следует верить, что плоть Христова была телом Божиим, и Пресвятую Деву справедливо именовать «Божией Матерью», от Которой Он принял ее; и Дух Божий не «возобитал» в Нем, чтобы «одухотворить» Христа и употребить Его как бы орудие для чудесных знамений, но был присущ Его природе (потому что Сам Он был по Лицу Словом Божиим)¹⁴ и Сам от Него мог быть посылаем или непосредственно творить чудеса, как, например, Он остановил течение крови у женщины (Лк. 8:43), или получающих Его одухотворяющий, как и путем дуновения Он был дан апостолам; потому что не по сопричастности содержащиеся в Христе посредством Духа, как некоего орудия, действовали духовные силы, но Сам Он (Христос) был Источником духовных дарований, Сам имел присущего естеству Божества Его Иного Утешителя и, будучи со-присущим Источнику духовных благодатей, Источником их и Сам был отнюдь не меньше и Дарователем их, не служителем, а Самим Дарователем, не слугою, уделяющим нечто от полученного им от другого, но от присущего естеству Его сохраняющий достоинство ущедрять; и вместе с той же властью, с которой Божественный Дух дает принадлежащие Ему дарования, так и Владыка наш это делал. И как Он (Святой Дух) движется по Своей воле и по неизреченной тайне делается явным, так и от Спасителя Он был движим, Божественному естеству Которого и по причине оного Он, конечно, был всецело присущ. Хотя Кирилл и подвергся клевете со стороны некоторых, увлекшихся за границы икономии (пользы

Церкви), потому что он говорил, что, противясь истинному Воплощению Слова и отстраняя участие Духа, как наидальнего среди Божественных Лиц и наиболее отдаленного от Бога Отца, чем, как он думал, почтить нашего Владыку Христа, Несторий нечестиво рушил самые основания благочестия; на основании сего могло показаться из его возражений, что Кирилл говорил о предвечном бытии Духа от Сына Божиего и что он переносит личное свойство Отеческой Ипостаси на Слово, и снова, в духе Савеллия, смешивает Божественные Ипостаси; однако возводимые на него обвинения легко рассыпались, и он доказал, что об исхождении Духа он мыслит так же точно, как и оные обвинители его, и ничего странного не вводил; противясь же нелепым «посредничествам» во Христе и обожествлениям Его, выдуманном Несторием, он всеми речами и всеми средствами доказывал истинность Божественной природы во Христе. В разряд же того прекрасного, что совершалось на соборе, относится также и то, что собор вынес прещения против тех, которые дерзнут нарушить Символ веры; и отцы этого собора были первыми, которые для соблюдения его вынесли законы, не допускающие никакого изменения в Символе, — ни в смысле прибавления, ни в смысле изъятия чего-либо, что сохраняют и прочие соборы православных, на основании чего Символ веры пребывает ненарушимым для желающих быть благочестивыми. Потому что недопустимым помыслилось отцам Ефесского собора, чтобы Несторий или кто-либо иной, к тому же — как тот — занимающий патриарший престол, мог дерзнуть касаться общего учения благочестивых, которое после раскрытий Второго Вселенского собора было совершенным и законченным, охватывая в себе, как подобало, все главные предметы веры. И причиной этой неурядицы был Несториевский символ, который был губителен для благочестивых, с чем истинные пастыри не могли ни примириться, ни снести в отношении того, что относилось к единству существа в Боге и к личным свойствам Божественных Лиц; ведь единение природ во Христе он в основании потряс неуместными прибавлениями, по причине которых некий чудак сразу же стал так (нечестиво) полагать и подпал под кары, налагаемые на еретиков, и до смерти не раскаялся, между тем как в отношении иных догматов ему не ставили вину ни Кирилл, ни весь собор.

9 Решения сего собора не постиг, как это следовало, Евтихий, и оттого, весьма пожелав сохранить единство Лица во Христе, чтобы полностью был изгнан бред Нестория, сам впал в иную бездну нечестия (ереси) и восхотел две природы во Христе слить в одну, желая, чтобы личность Христа, которая — по его признанию — действительно в начале была из двух природ, однако затем таковой не осталась и уже не пребыла в двух природах (но только в одной — Божественной). Однако и его отверг Халкидонский собор, когда благочестие Маркиана учредило созвание собора, и отстраняет он софистические ухищрения и бред Диоскора и Евтихия, направленные против двух природ во Христе, которым, что и говорить, отнюдь не удалось разрушить веру, но и восстанавливает догмат благочестия, тогда немало теснимый оными бреднями, и только Армения вместо того, чтобы держаться общего для православных учения, присоединилась к мудрованиям еретиков и до сих пор их держится, и снова провозглашается единение двух природ во Христе, которые соблюдаются в целостности и после их соединения, и говорится, что ни прежде соединения они не существовали в Нем, ни смешались (затем) в одну природу; потому что, согласно первому утверждению, следовало бы, что человеческая природа во Христе существовала (сама по себе) и прежде Воплощения; а по второму в силу необходимости вытекает: или что ни та, ни другая не сохранилась бы, поскольку смешанные друг с другом не могут сохранить свой вид, или же (в борьбе) одна природа победила другую, одолев ее, и тогда снова возбуждается к жизни ересь Манеса; или, если осталась Божественная природа, в то время как человеческое естество во Христе было призрачным, то этим возвращается мнение Аполлинария, что на основании некоего изменения Божественное существо приняло человеческое естество; и обожествлявшие единую природу во

Христе отрицали, что их утверждения отвечают приведенному положению вещей и бросали бесчисленные проклятия на Аполлинария и Манеса и на всех иных, с которыми виделись они сшествующими вместе, однако отнюдь не меньше, чем оных, священный лик (Отцы собора) их явно отверг. Так, сначала Отцы собора сочли за должное опровергнуть самое это ошибочное положение, говорящее об одной природе во Христе, а если бы оно все же удержалось, тогда обличить сторонников его, которые при помощи софизмов прикрывали обман, за которым следовали ужасные вещи, именно: крушение Истины, торжество лжи и требование компромисса, вызываемого якобы соображениями сохранения мира среди православных; и ничего здравого эти люди (монофизиты) не желали принять, но восставая против учений Манеса и Аполлинария, — что и было правильно, — они в то же время не желали принять ничего иного, как только то, что во Христе — одна природа, и решительно отрицали наличие в Нем двух природ.

10. Так и Отцы Шестого Вселенского собора, позднее собравшиеся в этом величайшем из городов (Константинополе), занялись теми, которые обожествляли единую волю в нашем Владыке, хорошо использовав опыт Отцев, бывших прежде них; ересеначальниками этой ереси (монофелитов) были патр. Антиохийский Макарий, еп. Римский Гонорий и Пирр и Сергей (патр. Константинопольские). Дело состояло в том, что они не сумели, как должно было, произвести различие между тем, что — одно (Ипостась Сына Божиего) и, с другой стороны, тем, что выражается в числовом порядке (две природы по Христе), и это-то и повело к тому, что, приняв за основание то, что человеческая воля во Христе всецело повинуется Его Божественной воле, так что можно назвать «богомужной» Его человеческую волю, что также относится и к Его действиям (энергии), они, выставя себя за благочестивых (православных), на самом деле возобновили монофизитство (потому что за единством воли и действия следует и единая природа, или же она является началом сего)¹⁵ и, прямо предав анафемам Евтихия и Диоскора, не пожелали отступить от их ересей, и думается, что даже те до такой степени жестоко не бешенствовали. В те времена для благочестивых не было достаточным не соглашаться с ними в отношении последующих нелепостей, но если бы они не отвергли и самый проторенный теми путь основного положения (ереси), им угрожали (православные), что будут считать их еретиками и уже не будут обращаться с ними как с несогласными (с ересью), потому что следовало скорее противостать началу лжи, чем, оставаясь подле нее, укрываться за (пассивное) несогласие с ложью, потому что так поступать было в духе оппортунистов; как, например, если бы кто-то лишал Духа Божиего какого-либо из присущих (Божественной природе) свойств, которые общи для Отца и Сына (кроме, конечно, личных ипостасных свойств, которые не общи для Них),¹⁶ то это было бы достаточным для того, чтобы на основании здоровой последовательности мысли называть его «духобором», хотя бы он в свою защиту и дурно отзывался бы о Македонии и клял Евномия, потому что следовало отвергнуть самый принцип (ереси) и ничего не считать присущим Отцу и Сыну, что не присуще также и Духу, и если нечто в отношении Духа препятствует ему считать за присущее Ему свойство, то оно не следует возводить в общее и для Оных (т. е. Отца и Сына), так как Каждому из Них в отдельности присуще — и в этом нет препятствия — то, что является индивидуальным свойством Ипостаси; итак, для вступивших тогда в борьбу было необходимо обсудить самое основное положение (ереси), возможно же иногда и уступать, и полемизировать с ними, скорее же при внешней видимости несогласия с встречающимися нелепостями подвергнуть удару и самое основное положение, являющееся причиною сего у тех, которые неосторожно положились бы на них. Однако безумие монофелитов было совершенно уничтожено этим собором — хотя прежде этого долгое время мучило Церковь — при поддержке оным Отцам собора, оказываемой императором Константином и со стороны божественного Максима, осуществившего великую защиту

истинного догмата не только посредством своих речей и писаний, но и своими бесчисленными страданиями и регулярными миссионерскими обхождениями, которыми, радуясь, православные укреплялись в любви к Истине.

11 Упускаю же священный (Пятый Вселенский) собор, бывший прежде этого собора, который Юстиниан Великий собрал в этом же городе: целью же его было новое изъятие учения Нестория, еще являющих себя в их ответвлениях, а также предметом его было устранение оных дурных семян Оригена относительно идей и душ и адских мучений, созвучных Платоновым положениям, которые даже и после такого долгого времени причиняли большое смятение для благочестивых; потому что многие и среди православных им поддавались, поглощенные сладостью красноречия Оригена (потому может ли быть что мудрее того, где вместе с истиной и общим мнением православных было высказано им?), незаметно для себя вместе с медом всосали и бывший в нем яд; и я обхожу молчанием оных священнейших мужей, потому что не из упрямства они держались такою мнения (высказанного Оригеном), так как в те времена Церковь еще не вынесла общественного решения против дурных учений Оригена. Не менее же и о доброй славе Кирилла справедливо позаботились Отцы собора и отстранили обвинения, выдвинутые против Феодорита, как по клевете тяготевшие над ним, засвидетельствовали же ему правость его учения, что позаботились сделать и отцы прежнего собора, потому что не следовало, держась мнений досадителей, подвергать Учителя Церкви дурной славе, но, как на праведно-го возводимые клеветы, их следовало отбросить, если и в отношении истины веры ничего из них не оказалось бы более обстоятельным.

12. Но вершиной церковной смуты стало поднявшееся восстание против священных икон, которое тем более легко завладело мыслями, что многих царей и пастырей Церкви — которых скорее за то следовало бы назвать «волками» — оно захватило в свои единомышленники и в течение достаточно долгого времени губило паству Христову, потому что поддерживавшие это бессмысленное новшество соперничали в том, чтобы своим зверством превзойти и даже оных (древних гонителей христианства) тиранов, и под личиной благочестия проявлявшие нечестие и берегущие якобы Христову славу, как они это утверждали, на самом деле отнимали от Него славу, потому что — говорили они — не должно снова давать доступ идолам, отводя (этим) честь, долженствующую Христову пришествию и мученическим кровям; они пытались возратить иудейское упрямство и нечестие, с намерением постепенно погасить память о прекрасных делах Домостроительства, воспоминания о которых возгорались в душах людей путем священных изображений, вместо чего они дерзнули проводить иудейские взгляды, попирая священнейшие предметы и всеми способами бесчестя их. И таким образом для благочестивых стало важным оказать такое же дерзновение по отношению к этим нечестивцам, какое некогда было проявлено мучениками по отношению к безбожникам, и это была вторая борьба за Христа, затмившая собою те борения, которые были против иных ересей, а в те времена проводимая только против безбожников, и снова небесный путь увидел восходящих ополчившихся венценосцев (увенчанных венцами победы), несущих на себе раны, подъятые ими в борьбе за Истину: Дамаскина, одного великого светоча Церкви, Феофана, Стефана и подобных им. Однако должно было затем и эту борьбу привести к концу, и собирается собор в Никее, как бы завершая круг в том же городе в истории Вселенских соборов, где он и начался, и (Отцы собора) восстановили иконы и путем их вернули благочестие; потому что не следовало пренебрегать происходящую от них пользу как от более наглядных изображений, постоянно побуждающих собою к памяти о Божественном, и не следовало бояться показаться идолопоклонниками, потому что оные идолы, будучи прототипами заблуждения («Яко вси бози язык, — как бы сказал Давид, — бесове». *Пс.* 96 (95), 5), были вздорные изделия человеческих рук и подражанием еще худшему, чем сам идол; потому что какое могло бы быть изображение

того, что совершенно не существует? Таковы были боги эллинов, когда высочайшее наименование единого Бога было перенесено, увы, на отступнические существа¹⁷ или на природные явления, происходящие от Его дел; и этим наименования выдуманных эллинами сил заняло место Единой все творящей и сохраняющей Силы, когда, по оболещению злых бесов, почитание, оказываемые несуществующим существам, обратилось в зло для самих тех, которые его воздают. Но довольно об эллинах. Мы же истинные бытия почитаем, изображенные на иконах, начиная от во плоти явившейся Ипостаси Божией, а затем те величайшие блага, которые благодаря Ей и посредством Ее настали для нас и посредством которых в нас утвердилась вера в Нее, чего ничего не могло бы быть лучше для напоминания и усвоения, чем изображения их на священных иконах, и что еще больше, не угодно было благочестивым, чтобы казалось, что Церковь, уступив дурному обычаю, в течение столь многих лет находилась в заблуждении, о чем благочестивым следует особенно заботиться и не делать уступок новаторам, в силу которых те усиливаются, следует же восполнить или исправить то, что было сделано раньше со стороны навлекающих позор, вызванный нуждою или ошибкой, на таковые соборы верных, и не желать принимать в общение тех, которые нагло захватили власть (в Церкви) в течение столь продолжительного времени.

13. Сие возвращение священных икон вспоминая сегодня, мы удостаиваем вечной памяти оных священных цариц и вместе с ними парей, которые принесли успокоение благочестивым, терпевшим в течение столь долгого времени борения ради славы Церкви, предаем же нерешимым узам анафемы оных нечестивцев, которые с необузданными руками и волей воевали против Истины; и с той и с другой из сторон считаем их достойными сего, последуя в этом законам Церкви: и непосредственно после Христа, нашего Владыки, и даже доньше или крепко державшихся славы (или: учения) Истины и проживших в православном образе мышления, или — начальников губительных ересей, как и ставших проводниками их и заступниками; и первых поистине с похвалою совершая память, а оным иное воздавая, которых и прежде решения о них Церкви, и прежде, чем они подверглись провозглашенным против них проклятиям, Бог покарал соответствующим им возмездием и за то, что они мудрствовали дурным (еретическим) образом, и за то, что совратили правосмыслящих; и поскольку отец лжи ничего не достиг и с иконоборческой ересью при всем своем старании о ней, то вселился и в некоторых иных и посредством их причинил заботу благочестивым, таковы были оный Иоанн Итал, Калабриец Варлаам, Акиндин и все их единомышленники, каждый обосновавшийся на различном некоем из чужеземных учений; и священными великими соборами они были явно опровергнуты, и за то, что не пожелали покориться словам Истины и упорно остались при своем заблуждении, они за это заняли подобающее им место среди еретиков. Но Небесная Благодать вооружала против них иных и многих из богоносных людей тогда, и в особенности одного Паламу Григория, мужа после оных трех Светочей вселенной в лице (сонме) Учителей Слова выдававшегося силою и чистотою жития и благодатью Духа, и до него -

великого патриарха с Кипра Григория, и теми же, как и тот, украшенного прекрасностями, из которых одного увенчали борения с (униатским патриархом Иоанном) Векком, а другого (т. е. св. Григория Паламу) борения с Акиндином и помощниками его, и писаниями и словами доказывающие истину.

14. Итак, отступление от истины было свойственно всем еретикам, и ни одного из них оно не допустило стать участником вечной и блаженной жизни; различное же отступление от истины иных, с иным истинным учением борющихся, в наказание злой воле или порочности их определяет различие в них помрачения, и оно-то и станет для них иным подобающим им возмездием; потому что вообще то, что — раскол в отношении любви, (потому часто он гибелен для нее),¹⁸ то — недоверие в отношении веры, потому что раскол производит не расхождение в

догматах, а является неким преслушанием постановлений Церкви и нарушением, сопровождаемым сопротивлением ее канонам; недоверие же выражается в нежелании доверить себя Христу, и окончательно иметь извращенную волю является явным неверием, которым в древности болели эллины, а ныне болеют иудеи и оболыщенные иными мифами; и когда желание доверить себя Христу ослабевает и вместо ясных Его законов и учений человек желает следовать собственным внушениям мыслей, то это и есть болячка еретиков, вид неверия; безрассуднее же того и другого поступают те, кто претендуют на то, что исповедуют истинную веру, а в действительности разрушают ее догматы. И все определяют, что извращение догмата является ересью; и согласно законам и всем канонам видится, что и малое некое уклонение от правоты веры является делом еретическим и подлежит установленным решениям, принятым против еретиков; а таковыми являются все те, о которых мы выше упомянули или которых обошли молчанием (потому что невозможно, чтобы это слово коснулось всех),¹⁹ которые впали в заблуждение относительно некоего из предметов веры. Нападающие же на веру разделяются на два лагеря, и одни прямо и целеустремленно выступают против нее, т. е. против предметов веры, а другие исподтишка нападают на нее; более же легким следует считать то заблуждение, которое относится к второстепенным предметам, как если бы кто, отрицая, что Андрей был братом Петра, стал бы приписывать Писанию ложь и неведение; более же тяжкое заблуждение — то, которое бывает относительно предметов веры первой важности; и здесь оно заслуживает большего порицания и там (в ином мире) — большего наказания. Вот почему, при сравнении с иными еретиками, которые погрешают относительно главнейших предметов веры, те, кто были враждебны к священным иконам, заслуживают большего снисхождения, разве только кто, отстраняя их внутренние побуждения, не сочтет их за худших из всех, потому что своими поступками, казалось, они желали погасить тайну нашего Благодетеля; самое же уклонение от почитания икон было ересью, не противоположной смыслу веры; однако вследствие ее приключилось нечто враждебное вере; потому что мы веруем, что Церковь все устанавливает, руководимая Духом Божиим; считающие же, что обычай почитать иконы является плохим, сочли, что нечто из принадлежащего учению Церкви является затянувшейся устарелостью; между тем как, напротив, столько соборов с самого начала показали, что этот обычай является нерушимым и утвержденным самими делами; относительно же тех, кто погрешают относительно предметов веры, то из них худшие те, кто отрицают вечность бытия Божиего и оскорбляют ее своими умствованиями; на втором же месте стоят те, кто несмысленны в отношении (Христово) Домостроительства. Это наш Владыка представил в виде неотъемлемого правила, возвещая, что хула на Духа Святого не простится, а на Сына — простительна; это правило остается как образец, так что хула на Духа Святого принималась позднее или сразу же в то время как более тяжкая, чем хула на Сына Божиего. Среди еретиков вожак является во много худшим тех, кто ему наследовал; и среди них, опять же, хуже те, кто в течение долгого времени утвердившуюся ересь более рьяно поддерживают, чем те, кто лишь с недавнего времени ее воспринимают как рабствующие скорее предположению их, чем собственному извращенному суждению, ужасно же то, когда предположение брало верх над мыслями людей, и нисколько не меньшее зло, что привычка укрепляется лжедогматами или всеми иными средствами. Вот поэтому и из воскормленных ересями те, кто к ним перебегают от истины, сознательно предавая ее, более достойны порицания; а из числа уступающих в знаниях более заслуживают порицания те, кто по вожделению привременных благ поддаются лжи; что же касается всех тех, кто, сознательно и напрямик вредя вере и борясь с нею, при этом приписывают Церкви славу невежества, те, вдвойне придерживаясь пути ереси, вдвойне и подлежат епитимиям. Но благостыня Матери нашей Церкви, подражая Небесному милосердию, обращая их к себе от всех этих бездн заблуждения, прекрасно идет им навстречу, как также и к

тем, кто и после того, как покаяться, нарушают законы ее; и только от тех, которые умерли в дурных обычаях и нравах или в еретических учениях, она отвращается, и она справедливо поступает так вместе с Богом.

15. Итак, слово о ересь вообще и в частности пусть на этом остановится в соответствии с целью и нуждой (сегодняшнего) праздника; мы же, воздавая благодарение Лучшему (т. е. Богу) за то, что Он утвердил в нас правые познания о Себе и о Своих свойствах, и сознавая нашу благодарность Отцам, которые это благо осуществили для нас, предложив самих себя Провидению как правые орудия для этой нужды и мало обращая внимания на распоряжения властей, и на опасности, и на что иное из возможных (угрожающих) вещей, каждый из них в борьбе с ложью и ее ужасными поборниками внес от себя то, что соответствовало его положению и порядку вещей. Вы, цари, противоположно (тем, иным) царям, проведшим противоположные, лучшие законы, а лучше сказать — убежденные законополагающим Духом; вы, пастыри, противоположно оным губительным волкам, вскормившие паству истинным догматами; учителя, противоположно оным святотатцам и лживым толкователям при помощи Божией тщательно исследовавшие Божественные изречения; простецы же, собравшиеся вместе с благородным уделом, борющимся за укрепившуюся Истину против безрассудно присоединившихся к новаторам, — помолимся же, чтобы до самого конца удержать нам эту Свыше данную благодать.

16. Сохрани, Христе Царю, в нас догматы Истины, которые Ты Сам и чрез Твоих учеников дал мудрствующим право и достойным принять их, ради этого пришел в мир, Каковая и прежде сего была всему присуща державою присносущного Твоего Божества, и не допусти, чтобы питомцы Твоей Истины, к которым она от Отцев переходит, уклонились в прежние ереси и по свободе человеческих мыслей оказались вовлеченными в иное некое из недавно появившихся растений Истины, изгоняя из нас сребролюбие и помрачение (или гордыню) душ наших, по причине чего, совершенно ясно, соскользнули в тяжкие ереси все отступившие от Тебя с древних пор и даже донныне. И наипаче даждь нам в благоприятных обстоятельствах, насколько это возможно, не только в вере, но и в благочестивых делах преуспевать в Твоей любви; если же случится, что, препятствуемые неведением должного, нерадением и иными недостатками, мы потерпим неудачу, то сделай так, чтобы мрачное оное положение было далеко отогнано от наших душ, осияваемых прекрасностью Твоей любви, чтобы миновала нужда ради известных привременных интересов сбиться со следа отеческого благочестия в догматах, что, конечно, смущает души истинно держащихся благочестия и что ныне восхваляется несмысленными языками; однако, даруй всем иметь противоположное сему положению расположение, которое Ты Сам на земле делом показал в отношении оценок и предметов, равнозначащих всему миру, и побудил, чтобы все здравомыслящие были готовы отказаться от всего своего имущества и даже от самой жизни и свободного состояния, сохраняя Тебя в своих недрах, — истинную нашего богатства Жемчужину; и меч, который Ты пришел вовек на землю, и огонь, который Ты, возжигая, низвел, даждь нам, величайший Царю, и сделай нас содержащими его в себе перед лицом всех людей и даже до конца соблюдающим его горящим в нас, т е даруй нам, по любви к Тебе, пребывать в мире с Тобою и Твоими законами, к восставшим же против Тебя и против них быть непримиримыми, так чтобы с благими надеждами нам оставить эту жизнь и перейти к Тебе, нашей единой Надежде и вечному Пристанищу, оставшись непоколебимыми в подвигах злостраданий ради Истины. Такой образ мыслей внуши и царям, и властям, и народу, и всем нам: потому что Ты чужд лжи и праведен и любишь нас больше, чем мы сами себя можем любить, и не допустишь, чтобы истинно с любовью держащиеся Тебя остались презренными; но нам, посчитавшим все за второстепенное по сравнению с Твоею любовью и верою, Ты и то, что ради Тебя мы презираем, в великом избытке прибавишь, имея силу, и явишь всем нам пути к

спасению, нам доселе неведомые, потому что (ныне) мы не с помощью Твоего света их ищем, но уподобляемся идущим ощупью во мраке, пытаюсь спастись без Твоей помощи. И Ты, поистине, не дашь когда-либо змею тем, которые ищут хлеба; а мы, вследствие презорства (небрежности и огрубелости), всегда вместо хлебов принимая змей, можем от этого не напиться, а погибнуть; и если окончательно Ты пренебрежешь нами, то, вот, и погибнем мы, даже донныне только благодаря Твоему попечению о нас и существующие, и живущие, даже и без нашей молитвы. Ты делаешь возможным нам удовлетворение наших потребностей; но нам следует молиться, а получить — это зависит только от Твоей власти: но едва ли мы возможем что-то получить, если и молиться даже не станем: за нежеланием же молиться следует не только неполучение блага, но и — получение того, что стало, полагаю, присущим нашему естеству, а нашему естеству, после оногo первоначального злого совета, стало присущим все худшее; итак, нам следует просить, а что следует за сим, это все в Твоей власти, и Ты даешь лучше и больше того, что мы надеялись бы получить: лучше же сказать, мы, руководимые своим сознанием, знаем, в чем испытываем нужду, но Твои благодати (милости) простираются к нам при нашем совершенном неведении их, и величины их, и изобилия, и Ты единый знаешь, что Ты намерен даровать, и прежде чем дал это. Пошли нам наставников жизни и слов, которые наставят нас на путь к Тебе: останови этот лютейший голод, который простирается на все города, покинутые Тобою, и который хуже всякого голода и превосходит всякий бич, поскольку этот голод является гибелью высшего блага наших душ и догматов, которые их облагораживают. Яви нам истинных пастырей на священных престолах, неискаженно вещающих Твое слово, и уготовь их, чтобы они, отнюдь не смущаясь, говорили пред лицом царей и тиранов, дабы и Ты не устыдился их пред святыми Твоими ангелами; это Сам Ты сказал ([Мк. 8:38](#); [Лк. 9:26](#)). И мы молимся, чтобы нам неповрежденно соблюдать нашу веру, которую мы приняли от Тебя и от наших Отцев, и чтобы отколовшиеся от нее снова вернулись и были вместе с нами, воздавая славу Истине и исповедуя ее душами и устами в похвалу Церкви, ради которой Ты излил Свою Кровь; и мы молимся не только о тех, которые в меньших вещах спотыкаются, но и о тех, которые недугуют в крупнейших; и поскольку мы разделяем с ними общее естество, то мы считаем за собственное благо, чтобы вместе с нами они стали причастными дарам Твоей благодати, такова наша [молитва](#), а чтобы она исполнилась, это принадлежит Твоему промыслу и их нравственному состоянию, пока же они не пожелают шествовать одним путем с нами, исповедующими и душами и устами Твои законы, нам следует любовь к Тебе единому предпочесть не только всякой человеческой любви, но и любви ко всему миру, как это законоположил Сам Ты чрез апостола Павла ([1 Кор. 13](#) гл.). И даждь нам, сладчайший Иисусе, чтобы и вера наша была таким образом в полной сохранности, и на основании дел прибавлялось благонравие, чтобы нам светлыми достигнуть удела Отцев и, неся на себе знамения их добродетели и веры, вместе с ними жить во веки, как Ты обещал, и царствовать, что заключается в том, чтобы насладительно Тебя постигать и познавать Тебя, Единородного Сына истинного Бога, и со-вечного Тебе Отца и от Него имеющего бытие, и Твоего по природе и посредством Тебя являемого Всесвятого Духа, Единого Бога, сущего в Св. Троице Лиц, Которому подобает слава и поклонение от всей твари во веки Аминь.

Примечания

Переписка между св. Марком Ефесским и св. Георгием Схolariем произошла около этого времени. См. в нашей книге: «Св. [Марк Ефесский](#) и Флорентииская уния» Гл 9, письмо 2.

Blunt J.H. Dictionary of Sects. Heresies... (1874) P. 433.

В «Oeuvres complètes» слово в Неделю Православия значит как написанное в 1451 г. Однако в своей статье о св. Георгии Схоларий, написанной много позже (именно в 1941 г., в то время как первый том Полного собрания сочинений св. Георгия Схолария был издан в 1928 г.), Mnsr. Жюжи относит эту проповедь к 1444 г., и это представляется правильным по ряду причин.

Скобки принадлежат оригиналу.

Т.е. Божественное воплощение должно быть истинным приятием плоти, а не призрачным, кажуцимся, как это учили гностики.

Скобки принадлежат оригиналу.

Т.е. семя дало быстро возрастающий побег, а свет — сияние.

Скобки принадлежат оригиналу.

Языческая религия.

Скобки в оригинале. «Лучший», т. е. Бог. См. толкование этого слова у Лампе: Patristic Greek Lexicon. P. 777.

Скобки принадлежат оригиналу.

Скобки принадлежат оригиналу.

Скобки принадлежат оригиналу.

Скобки принадлежат оригиналу.

Скобки принадлежат оригиналу.

Скобки принадлежат оригиналу.

Здесь крайне редкое слово «ἀποστάτιδας φύσεις». См.: Sophocles Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods. 1906. P 233.

Скобки принадлежат оригиналу. Текст мы поставили в том месте, где это следовало, а не следуя его местоположению в оригинале.

Скобки принадлежат оригиналу. Текст мы поставили в том месте, где это следовало, а не следуя его местоположению в оригинале.